

Виктор ДЬЯКОВ

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Виктор Дьяков

Гречневая каша

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Дьяков В. Е.

Гречневая каша / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2006

Как правило, настоящие, хлебнувшие лиха на передовой фронтовики не любили вспоминать о войне. В этом рассказе трагические воспоминания спровоцировала приготовленная дочерью ветерана... гречневая каша.

© Дьяков В. Е., 2006

© ЛитРес: Самиздат, 2006

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

рассказ

Мать неожиданно уехала в служебную командировку и Ирине, студентке-второкурснице, предстояло два дня исполнять ее домашние хозяйственные обязанности. Казалось, ничего особенного, что за дела убирать квартиру, да кормить завтраком и ужином уходящего на работу, и приходящего с нее же отца. Ей и самой казалось, что со всем этим она справится шутя. Утром первого дня они позавтракали еще тем, что приготовила перед отъездом мать. Но вечером ужин уже готовить предстояло самой Ирине. Придя домой, после шести часов институтских занятий, она наскоро убралась, и стала прикидывать, что бы приготовить на ужин.

Стояла середина семидесятых годов. Это было время, когда уровень жизни в СССР достиг своей наивысшей отметки. В магазинах, особенно больших городов имелся еще сносный выбор как продовольственных, так и промышленных товаров, люди из бараков и хибар постепенно перебирались в хоть и тесные, но благоустроенные квартиры. Как никогда казалось, что ведомая мудрой партией Ленина страна, в дальнейшем заживет еще лучше... Впрочем, не будем забегать вперед и останемся пока во времени относительно сытого и спокойного «застоя».

Ирина пересмотрела запас продуктов, заготовленных матерью. В холодильнике лежали: кусок сливочного масла граммов на триста, две консервные банки шпротов, одна печени трески, и два десятка яиц. По дороге из института Ира купила полкило «отдельной» колбасы, и кое что из фруктов и овощей... Южный город, сентябрь и цены на всевозможные плоды и зелень были низкие. Приготовить картошку? Но Ире не хотелось слепо копировать мать, которая чаще всего готовила именно отварную или жареную картошку. Ей хотелось приготовить нечто, чтобы отец сразу почувствовал особую о нем заботу любимой дочери. Их стол, стол обычной среднестатистической советской семьи из 3-х человек тоже был самый, что ни на есть средний – не голодали, но и особых разносолов тоже не водилось. В будние дни на ужин обычно подавались либо уже упоминавшаяся картошка, либо яичница с жареной колбасой. Ира полуинтуитивно, по привычке и купила «отдельную», собираясь, как обычно делала мать, зажарить ее, залив яйцами... но передумала. Открыв буфет, она стала перебирать пакеты с крупой. На глаза попался рис. Приготовить рисовую кашу и сдобрить ее сливочным маслом, а колбасу подать как закуску? Но это тоже, хоть и не часто, готовила мать. Нет, надо что-то... В дальнем углу буфета стояла большая жестяная банка. Ира открыла ее. Там оказалась гречневая крупа. Почему-то мать никогда не готовила дома гречневую кашу. Ира за всю свою жизнь ела её считанное количество раз и все вне дома. Как-то, когда они с матерью гостили у тетки, та накормила их такой вкусной кашей, что Ира не удержалась и попросила научить ее готовить. Никаких особенных секретов в приготовлении гречки не оказалось. Она готовилась почти так же как рис и пшенка. Ира решилась, она поразит отца именно гречневой кашей, которую мать готовить избегала, а она приготовит и приготовит так...

Каша удалась на славу. Сама юная хозяйка, попробовав, с трудом удержалась, чтобы дожидаться отца и не поест раньше. Она с нетерпением ожидала похвалы своим кулинарным талантам. Когда отец, которого звали Владимир Федорович, в седьмом часу вечера пришел с работы, дочь радостно ему сообщила:

– Папка, ужин готов! Мой руки, и садись за стол. Не знаю, как у меня получилось, ты попробуй и скажи.

Вид сияющей Ирины говорил сам за себя – она не сомневалась, что приготовленная ею каша, аккуратно нарезанная колбаса и темно-красные ломти душистого арбуза, все это при-

дется отцу по вкусу. Она уже все перепробовала. И зная, что их с отцом вкусы всегда совпадают, не сомневалась в успехе.

– Спасибо дочка, не беспокойся, не такой уж я голодный, могу чего и попроще...

Владимир Федорович вышел из ванной, прошел на кухню, где его дожидалась горкой уложенная в тарелку гречневая каша, щедро помазанная сливочным маслом. Он увидел эту кашу и... осекся, замолчал. Добрая улыбка, до того не сходила с его лица. Он готов был проглотить что угодно, даже перегоревшее и пересоленное, при этом все это неустанно нахваливать. Нахваливать, лишь бы не обидеть дочь, оставшуюся за хозяйку в доме. Но при виде гречневой каши, его улыбка самопроизвольно сползла с лица, которое начало медленно но неотвратимо бледнеть, будто из него постепенно уходила куда-то кровь. Ира не могла осознать реакции отца:

– Папка, что с тобой... тебе плохо!?

Отец несколько секунд молчал, потом справился с собой и невнятно, словно у него что-то случилось с горлом, произнес:

– Спасибо Ира... не надо... ты... ты ешь, а я хорошо сегодня пообедал на работе, в столовой... Извини, я что-то совсем не хочу ужинать. Не обижайся дочка, действительно, совсем не хочется, аппетита нет... Я лучше полежу пойду, голова разболелась...

2

18 августа 1941 года в день советской авиации в небе над Западным фронтом «висели» только немецкие самолеты. С утра на позициях энской пехотной дивизии Красной Армии немцы белым дождем разбросали листовки: «... не ждите, ваших самолетов не будет, мы их все уничтожили... сдавайтесь, сопротивление бесполезно... эта листовка будет служить пропуском для добровольно сдавшихся...». Тем не менее, измученные постоянными боями, артобстрелами и авиабомбёжками противника красноармейцы все же надеялись, что хоть в этот день, наконец, в небе появится наша авиация, хотя бы один «ястребок», хоть один фанерный У-2... Увы, надежды не сбылись. После листовок позиции дивизии почти час непрерывно перепархивали бомбами «Юнкерсы», потом немецкая артиллерия, потом, как и положено, пошли танки с пехотой. Немцы, видимо, именно к этому дню приурочили начало своего наступления. Фронт дивизии, в котором всего третью неделю находился 19-ти летний новобранец Володя, прорвали в нескольких местах. Связь штаба дивизии с полками сразу нарушилась. Не имея возможности взаимодействовать, полки дрались каждый сам по себе, кто-то продолжал стоять на своих позициях, кто-то с боем отходил, кто-то обратился в паническое бегство. Хотя, конечно, приказа отступать не было, и быть не могло, и не только потому, что связь со штабом дивизии отсутствовала. Новый комдив, назначенный несколько дней назад вместо прежнего, отданного под трибунал за неумелое командование... Так вот, новый комдив твердо заявил, чтобы об отступлении все и думать забыли, что сам он этого слова не знает. Так что командиры полков наверное даже обрадовались, что связь с вышестоящим штабом отсутствовала, и у них появилась возможность действовать самостоятельно, то есть отступать. А чего же еще оставалось делать, если противник во всех отношениях сильнее и владеет стратегической инициативой.

Как получилось, что все отделение Володи оказалось в тот день без котелков? Да все от того же немецкого наступления. Во время авианалета осколки от бомбы пробивали термоса, в которых каждый взвод получал пищу на полевой кухне. В условиях боя взводному ничего не оставалось, как приказать командирам отделений собирать котелки с каждого отделения и отрядить по одному бойцу с ними для получения завтрака. Бойцу, назначенному из отделения Володи всего и надо было, пройти триста метров в тыл, получить завтрак и вернуться назад. Но едва кончился авианалет, начался артобстрел, потом пошли танки. В общем, завтрак так и не состоялся и про посланного бойца забыли, а он как сквозь землю провалился со всеми котелками. Да, в общем-то, и не до него, не до завтрака было. Сначала расчеты противотанковых пушек «сорокопятки» довольно успешно сдерживали атаки танков, а засевшие в окопах пехо-

тинцы винтовочно-пулеметным огнем отсекали пехоту. Три бронированных машины остались дымить как раз напротив позиций володиного взвода. Немцы отступили и изменили направление атаки, вся масса танков навалилась чуть левее на стык позиций двух батальонов. Почему-то этот болотистый участок метров в тридцать-сорок остался совершенно «бесхозным». То ли не попал в зону ответственности ни того, ни другого батальонов по чьему-то недосмотру, то ли понадеялись, что в это болото тяжелые немецкие танки все равно не полезут. Но танки смогли там пройти, несмотря на то, что обороняющиеся спохватились и перенацелили на «болото» огонь батарей с позиций обоих батальонов. Несколько машин прорвались в тыл обороняющихся и обойдя позиции принялись утюжить окопы, давить приземистые «сорокопятки», если расчеты не успевали их вывести с оборудованных позиций и развернуть на прямую наводку...

Ценой огромных потерь, гранатами и прямой наводкой уцелевших орудий, прорвавшиеся танки удалось подбить и эту атаку отразить. Но стало ясно, батальон настолько обескровлен, что следующую атаку уже не выдержит, не лучше положение было и у соседей. Полку, ничего не оставалось кроме немедленного отступления, ибо, по всему, после обеда немцы готовили решающую атаку. А тут еще, судя по канонаде и слева, и справа, соседние полки не смогли удержаться на позициях и отходили, создавая опасность окружения. Связь со штабом дивизии восстановить так и не удалось, и командир полка отдал приказ об отступлении.

А тот боец с котелками... он так и не появился ни во время боя, ни потом, когда поступила команда сниматься с позиций и отходить. Организованного отхода, однако, не получилось. Идти пришлось пешком по разбитой проселочной дороге, лесом. Сначала попали под обстрел дальнобойной артиллерии немцев. Чтобы выйти из зоны обстрела пришлось бежать что есть силы, кое кто бросал винтовки и боеприпасы, чтобы легче было. Уже во время этого бега нарушился строй, перемешались взводы, роты, батальоны, кто-то отстал, кто-то остался лежать. Потом опять налетели «Юнкерсы». Здесь уже пришлось разбежаться по лесу и укрываться под деревьями. Бомбили минут двадцать, а когда улетели, а отступавшие стали вновь выходить и вылезать на дорогу, оглушенные, контуженные, раненые... Тут уж вообще все смешалось. Володя не мог найти ни ротного, ни взводного, ни командира отделения, все шли скорым шагом, одной общей кучей, в которой уже не было ни рот, ни батальонов. Он старался не думать о том, что на дороге и в лесу осталось много убитых и раненых, утешая себя ничем не оправданной мыслью, что их похоронят и подберут те, кто идет сзади. А сзади оставались только арьергардные роты, прикрывавшие отход и саперы, которые должны были взрывать орудия и боеприпасы, те что из-за недостатка транспортных средств приходилось оставлять. Володя это знал, но так же, как и все прочие наклонив голову и утирая пот спешил по разбитой колее вперед, на восток, подальше от неминуемой гибели или плена. Канонада сзади стихла, там, где оставались на верную гибель две роты прикрытия уже не стреляли. Немцы на танках, или мотоциклисты могли вот-вот настичь и навалиться сзади, это стимулировало, и люди почти бежали, если были силы, а если не было падали, оставались на дороге, провожая тоскливыми взглядами уходивших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.